

Наполеон и крепостное право в России в 1812 году

Сами участники войны, а затем и историки не раз задавались вопросом: почему Наполеон не отменил крепостное право в России, что он сделал ранее в ряде европейских стран? Хотя и были попытки объяснить причины отказа императора от данного шага, вопрос этот по-прежнему вызывает живой интерес исследователей и носит некий налет загадочности. По нашему мнению, ничего таинственного здесь нет, и этот вопрос в принципе можно считать решенным. А. Г. Тартаковский верно заметил, что «сложившиеся в историографии взгляды основываются на узком круге давно введенных в научный оборот документов», а потому необходимо привлечь новые источники¹. Несколько новых свидетельств по данному вопросу мы приведем ниже, но следует подчеркнуть, что «кладезь» источников по этой теме уже почти исчерпан; к тому же, уже известны высказывания близких к императору и, следовательно, наиболее информированных людей. Поэтому необходимо упорядочить уже предложенные ответы на данный вопрос, произведя их «субординацию» по степени важности и отбросив заведомо надуманные.

Давно отмечено, что отношение Наполеона к крепостному праву в разных областях Российской империи было различным. В Литве, где дворянство в подавляющей части встретило его как освободителя и восстановителя «Великой Польши», и в Курляндии, где оно нейтрально отнеслось к новому режиму, он не мог сразу и радикально решать данную проблему — она могла быть поставлена на повестку дня лишь в случае успешного завершения кампании. Поэтому французская администрация однозначно высказывалась здесь за сохранение прежнего социального порядка, и, в случае необходимости, поддерживала его силой оружия. Общественный порядок там был необходим также и для того, чтобы организовать нормальное снабжение Великой армии. Впрочем, крупных крестьянских волнений в тех областях не произошло. В исконно же русских губерниях руки Наполеона в этом отношении были развязаны — здесь он мог провозгласить вольность крепостных, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе против российского дворянского государства². Сама логика военного противоборства подталкивала его на этот шаг; его возможность и даже необходимость сознавались генералами и офицерами Великой армии. Некоторые ее представители видели в этом большую упущенную возможность³.

Между Литвой и коренными русскими землями находилась *suigeneris* «переходная зона» — Белоруссия, характер отношения к которой у Наполеона сложился не сразу. По его требованию, П. Сапега, Л. Радзивилл и Сераковский представили ему информацию о стране. Император выяснил, что «Белая Русь даже в польские времена считалась провинцией за характерную испорченность российским соседством», что «*шляхта вошла во вкус привилегии угнетения крестьян*»⁴. Наполеону советовали сначала решить здесь крестьянский вопрос, улучшив положение крестьян, но сохранив их крепость к земле. Ему представили список «лиц, на которых можно более или менее рассчитывать», с оговоркой, что «один Бог знает тайны людских душ». Все это не вдохновляло; возле Витебска Наполеон воскликнул: «Вижу, что тут уже нет поляков, этот край не польский». Тем не менее он решил трактовать Белоруссию формально как часть Польши, как союзную страну. «В целях императора, — писал интендант Белоруссии А. Д. Пасторе, — было выгодно как можно шире раздвигать пределы Польши; поэтому он сделал вид, что, по его мнению, эта местность еще лежит в ее границах, и слово "завоевание" было заменено словом "освобождение"». Он заявил Пасторе: «*Обращайтесь с Белоруссией как с союзницей, а не как с завоеванной страной*». Р. Фезензак отмечал, что в Витебске, столице «Белой Руси», «жители встретили нас скорее как завоевателей, чем как освободителей. Но интересы политики императора заставляли насколько возможно отодвинуть границы Польши, и Витебская провинция была объявлена составной частью этого королевства. Для нее были назначены губернатор и интендант, которые получили приказ *обращаться с ней как с союзной*»⁵.

5 августа, узнав о восстании крестьян в окрестностях Велижа и Поречья, Э. Богарне (возможно, по совету служивших в его корпусе поляков Я. Дембинского и Ф. Барса) писал Наполеону: «Люди благоразумные думают, что *это возмущение крестьян может в теперешних обстоятельствах, потрясти Россию*». Богарне обратил внимание на жестокость крестьянской неволи, и на то, что до недавних пор крестьян продавали на рынках. Император ответил незамедлительно. Он просил уточнить, «произошло ли волнение (*l'exaltation*) крестьян по ту сторону Велижа в *старой Польше, или в старой России*. Проверьте этот факт. *Если это восстание (revolte) имело место в старой России, его можно считать чрезвычайно благоприятным для нас и мы сумеем извлечь из него пользу...* Сообщите мне об этом и дайте знать, какого рода декрет и прокламацию можно было бы выпустить *для возбуждения восстания крестьян в России и привлечения их на свою сторону*»⁶. М. Кукель верно заметил, что в этом письме ясно обозначилась точка зрения Наполеона. На территории бывшей Речи Посполитой он хотел удержать порядок; преобразование общественных начал должно было осуществиться там на основе права. Но *в собственно России он готов был разжечь крестьянский бунт*. А. К. Дживелегов также писал, что «Наполеон отложил осуществление своей социальной диверсии до вступления в пределы исконной России»⁷.

Богарне ответил 8 августа основательным меморандумом, в котором рассказал «о степени важности,

которую может иметь для французской армии восстание крестьян». По его словам, волнения крестьян охватили белорусские и русские земли бывшей Речи Посполитой. Это было вызвано тяжелым угнетением, усилившимся после перехода этих земель под власть России. Положение крестьян ухудшилось; свободных некогда мещан переименовали в крестьян. Крестьяне хотели бы знать, что несет им новая власть. Они требуют хотя бы тех прав, которые дала польским крестьянам конституция княжества Варшавского. Они уверяют, что в таком случае *«вспыхнет всеобщее восстание даже в России»*. Жители белорусских городов хотели бы восстановить утраченные при русском правлении привилегии. «Восстановление этих привилегий вызовет еще одну революцию в буржуазии в пользу французской армии, и это побудит их жертвовать всем ради достижения успеха». Очевидно, что в состоянии экзальтации местного населения *«надежда возвратит эти привилегии, основанная на нескольких обещаниях, данных со стороны Вашего Величества, произведет выгодные последствия, как в областях, которые войска уже заняли, так и в тех, к которым они близки»*^{viii}.

Ф. Сетюр писал, что в Витебске Наполеон *«поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать приходилось только среди отдельных, почти диких крестьян... Эта попытка послужила только к разоблачению его проекта»*. Адьютант маршала Бессьера капитан М. де Бодю также писал, что *«несчастным крепостным, существам жалким и совершенно забытым»*, Наполеон *«попытался предоставить свободу в прокламации, отпечатанной в Витебске, один экземпляр которой был у нас на руках. Эта прокламация была распространена в нескольких местах, но без успеха; она вызвала только со стороны некоторых из этих варваров небольшое число зверских выступлений, способных вызвать стыд у человека, который предпринял эту попытку революционной пропаганды; это была плохая акция безо всякой пользы для того, кто оказался в этом виноват»*^{ix}. Похоже, антикрепостническая пропаганда, действительно, имела место в Белоруссии. Так, в Полоцком уезде среди *«возмутителей»* крестьян был шляхтич Игнатовский, служивший во французской армии, который объявил вольность крестьянам нескольких помещиков. В Городецком и Невельском поветах Витебской же губернии крестьяне вышли из повиновения *«по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости»*^x. В южных поветах Могилевской губернии *«неприятель везде, где ни бывает, объявляет крестьянам вольность и свободу от помещиков»*; *«неприятель в здешних местах объявил всей черни вольность и независимость от помещиков»*^{xi}. Фезензак пишет, что во время пребывания в Витебске *«новый вид беспорядка обращает на себя внимание Наполеона. Окрестные крестьяне, внимая разговорам о свободе и независимости, возмнили, что им позволено взбунтоваться против своих господ, и предавались необузданной вольности. Зная Витебска направилась жаловаться императору, который предписал суровые меры, чтобы возвратит их к исполнению своего долга. Было важно остановить это движение, которое могло перерасти в гражданскую войну. Были высланы мобильные колонны; были внушены несколько примеров, и порядок вскоре был восстановлен»*^{xii}. Итак, реши в трактовать Белоруссию как часть *«восстанавливаемой»* Польши, император не мог здесь, как и в Литве, немедленно разрешить крестьянский вопрос. Поэтому генерал-губернатор провинции А. Ф. Шарпанте высылал воинские команды на подавление бунтов. Сменивший его на этом посту генерал Ф. Пуже вспоминал, что в октябре *«крестьяне восстали против своего помещика, который настойчиво просил помощи для возвращения их к обязанностям (dans le devoir), потому что, говорил он, если этот пример распространится, в стране тотчас наступит голод. Я считал необходимым потушить огонь, который мог распространиться, во-первых, потому, что я не имел задания поднимать в стране восстание, во-вторых, потому, что восстания могли нам повредить»*^{xiii}.

Следовательно, поставленный нами вопрос об отношении Наполеона к крепостному праву *«редуцируется»* до исконно русских губерний. Но в коренной России Великую армию ожидало иное отношение. Еще до вступления туда Наполеону доносили, что дух крестьян за г. Красным является полностью пророссийским. Патрули и фуражиры сообщали, что в Смоленской губернии *«люди совершенно иные»*, что все являются врагами, все готовы либо бежать, либо сражаться. Крестьяне вооружились пиками, собрались в отряды, во главе которых стоят дворяне. Доходили также известия о создании ополчения в Центральной России. На основании этого Кукель заключил, что возможность поднять крестьянский бунт в коренной России вообще не существовала. *«Оружие социальной революции, — считал он, — не действовало за старой польской границей. Достать Россию за ней можно было только оружием»*^{xiv}.

Факты, однако, говорят о другом. Антикрепостническая пропаганда со стороны отдельных участников русского похода имела место и в коренной России. В Рославльском и Ельнинском уездах Смоленской губернии *«проходившие неприятели и оставшиеся мародеры... посеяли, особенно в крестьянах, понятие независимости»*. В Дорогобужском уезде генерал Груши *«уговаривал крестьян не бежать от французов, «которые не делают вам никакого притеснения и даже с вами не имеют войны, напротив того, Наполеон хочет даровать вам свободу»*. В Юхновском уезде *«крестьяне некоторых селений от вольнодумства начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные от страха укрываются»*^{xv}. Некоторые крестьяне в Московской губернии заявляли, *«что они вольные, а другие, что они подданные Наполеона»*, третьи, что они больше не принадлежат помещику, *«потому что Бонапарт в Москве, а стало быть он их государь»*. В Волоколамском уезде крестьяне, *«обольщенные вредными внушениями неприятеля, вышли из повиновения своим*

помещикам, приказчикам и старостам... Бунтуя, *крестьяне говорили, что отныне они принадлежат французам, поэтому повиноваться будут им, а не русским властям*^{xvi}. Следовательно, антифеодальная пропаганда велась неприятелем и в старорусских губерниях, и вопрос был лишь в ее масштабах.

Советские авторы подсчитали, что в 1812 г. количество крестьянских выступлений увеличилось в 3 раза по сравнению с предшествующими годами. Б. Ф. Ливчак справедливо отметил, что это «приращение» произошло именно за счет затронутых войной губерний, откуда эвакуировались местные власти и помещики и где крестьяне контактировали с солдатами Великой армии, которая «несла с собой антикрепостнический дух»^{xvii}. По нашим подсчетам, две трети, а то и более от общего числа крестьянских выступлений в 1812 г. пришлось именно на «прифронтовые» губернии. Причем, здесь крестьянское движение приняло самые ожесточенные формы: грабежи и поджоги поместий и магазинов, убийства помещиков и управляющих, вооруженное сопротивление властям, выдача помещиков врагу, сотрудничество с неприятельскими фуражирами и мародерами. В прочих же губерниях происходили «среднестатистические» волнения, отказы от работ, неприятие новых помещиков, подача прошений, сопротивление набору рекрутов, распространение слухов об отмене «рабства». Одним словом, *наличие в стране неприятельской армии и антифеодальная пропаганда со стороны ее солдат послужили одним из важнейших факторов обострения классовой борьбы*. Но, как верно заметил Ливчак, «французские подстрекательства к самочинному освобождению всегда носили локальный, так сказать, кустарный характер, не получили значения всеобщего призыва, не поднимались до уровня политики. Не армия, не корпусные генералы определяли крестьянскую политику французов в России», а Наполеон, политика которого на сей раз была консервативной^{xviii}.

Вопрос о крепостном праве продолжал волновать Наполеона и в Москве. По словам Сегюра, здесь император «получил несколько прошений от разных отцов семейств. В них были жалобы на то, что *помещики обращаются с ними, как со скотом*, который, сколько угодно, продают и меняют. В них просили, чтобы Наполеон отменил крепостное право. Они предлагали себя в вожжи отдельных восстаний, обещая обратить их во всеобщее». А. Коленкур также упоминал, что *в начале октября «император приказал составить прокламацию об освобождении крепостных... Несколько субъектов из низшего класса населения и несколько подстрекателей (немецкие ремесленники, которые служили им переводчиками и подстрекали их) немного покричали и по наущению некоторых лиц подали ходатайство об освобождении крестьян. Те же лица, которые подучили их, убедили императора в необходимости этой меры*, заявляя ему, что идеи эмансипации гнездятся уже в мозгу у всех крестьян, и император, вместо того, чтобы быть окруженным врагами, будет иметь миллионы пособников»^{xix}.

Почти наверняка оба автора имели в виду послание, полученное Наполеоном от обывателя Рузы. Приводим его, сохраняя орфографию и пунктуацию подлинника. «Государь, Бог хоть и чтоб русской народ не больше крипасной был, употреблял для его силы ваши. Етот народ беден и *ево обижает благородство* (во французском варианте: *oppriime par la noblesse* — угнетен дворянством). Он видеть как птицы и все другие как на волью бывают, когда в сем государстве *мужики, впервые богатство наций*, крыпасний и у них нету никаво защищатель. Наши бары продают нас с родителей, или одново употребляют нас на перемен продают нас как животных или отдают нас чтоб заплатить долги их. Они принуждают нас служить их со всяким маниеров, а правил никакия, нежели капризы их. Выбор нами жены и наша жительство нам не позволено, и награждение что мы хорошо служили их, нас палками дерут, и ежели жизнь не отымают, от тово что она им нужна. Посему... мы желаем под новым государством итти, которой пуская нашу веру, может нас защищать. И так остает нам благодарить Богу что он нам средства дал к вашему Величеству объявить можем, как защищатель народов чтоб его прасить нас от рабства на волью пускать, уверяя ево от нашей верности. Да и как могли бы не уверен быть от верности нашей, когда мы нашими *тиранны* верны были. Руса, 30 сентября». Далее следуют 17 подписей, скорее всего реальных лиц, так как почерки разные. На французском «перевод» этого послания, переданном Наполеону, им сделана пометка: «Лелорнь сохранит мне эту петицию. Москва 6 октября 1812»^{xx}. Учитывая приведенные выше свидетельства, можно признать, что император действительно был ознакомлен с этим документом. Другое дело, что истинное происхождение его более чем сомнительно. Заметим, что документ датирован по новому стилю, что вряд ли могли сделать сами просители. При сравнении русского варианта с французским, написанным вполне грамотно, становится ясно, что сначала был составлен именно последний, а затем полуграмотным мещанином или дворовым человеком был сделан неуклюжий перевод на русский язык («немецкие ремесленники, которые служили им переводчиками и подстрекали их»). На это указывают и построение фраз и некоторые выражения, не свойственные русскому языку и простолюдинам: откуда, например, забитый мужик мог знать, что «крестьяне являются первым богатством страны?»

Тартаковский писал, что «Наполеон не раз задумывался над возможностью издания прокламации, которой декларировалась бы отмена крепостного права в России... Однако все приведенные здесь показания свидетельствуют лишь о его *намерениях и пожеланиях*», а не о каком-то реально предпринятом акте^{xxi}. Собирался ли Наполеон на самом деле освободить русских крестьян от

крепостной зависимости? — задается вопросом историк, и отмечает, что «в 1812 г. социальные мотивы в политике французского императора были строго подчинены его политико-стратегическим расчетам. Данное обстоятельство вполне объясняет, кстати, позицию, занятую Наполеоном в крестьянском вопросе в западных губерниях России». Поскольку для русского дворянства Наполеон был «исчадием революции» и смертельным врагом, то император не исключал возможность в коренной России опереться на антифеодальные волнения^{xxi}. Почему же он все-таки этого не сделал? Ответов современниками и историками было предложено несколько.

С. Б. Окунь полагал, что наиболее убедительные соображения в этой связи высказал генерал А. ван Дедем ван де Гельдер. «Я полагаю, — писал генерал, — что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, но Наполеон был уже в то время не генерал Бонапарт... Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедовать революцию в России». То же самое писал и Сегюр: «Это средство претило Наполеону, природа которого влекла его больше к интересам королей, чем народным. Он пользовался им небрежно». Это и «побудило его не стараться более подстрекать народ к бунту, с которым он не в силах был бы справиться»^{xxii}. По словам Коленкура, эта мера шла в противоречие с принципами Наполеона как монарха. Исходя из этого, Тартаковский считал, что едва ли не важнейшая причина отказа «заключалась в том, что ко времени похода в Россию обнаружилось явное «поправение» контрреволюционной диктатуры Наполеона — ее перерождение из республиканской в откровенно монархическую... В этих условиях антифеодальные тенденции его политики еще более отходили на задний план, и поддержка самостоятельных социальных движений полностью исключалась»^{xxiv}. Однако, это слишком общее замечание, поскольку «поправение» наполеоновского режима произошло задолго до похода в Россию. Окунь верно заметил, что, хотя утверждение Дедема «в основе своей безусловно справедливо, оно все же требует дополнительных соображений», так как уже в 1807 г. личное освобождение крестьян в Польше провозгласил монарх, а не революционный генерал.

Некоторые авторы считали, что «опыт испанских событий должен был убедить Наполеона в опасности народного движения, когда антифеодальные задачи переплетались с национально-освободительными»^{xxv}. Тартаковский писал, что «конец колебаниям Наполеона в этом вопросе положило развернувшееся с не меньшим ожесточением, чем в Испании, крестьянское партизанское движение в самой России, как раз ко времени пребывания французов в Москве достигшее наивысшего подъема»^{xxvi}. Действительно, Наполеон говорил Коленкуру, «что предрассудки и фанатизм, распаленный в народе против нас, по крайней мере в течение некоторого времени будут служить для нас большим препятствием, а следовательно, он будет нести на себе бремя всех отрицательных сторон этой меры, не извлекая из нее никаких выгод»^{xxvii}. Тем не менее, мы не думаем, что подогреваемая религиозной пропагандой народная война была непреодолимым препятствием для революционной пропаганды — факты «коллаборационизма» встречались и в Смоленской и в Московской губерниях, где как раз и действовала во всю мощь религиозная пропаганда. Д. Хлаповский, в сентябре находившийся возле Подольска, писал: «Мы многократно вступали в близкие отношения с жителями, мы убедились, что было бы легко натравить против своего правительства этот народ, который прекрасно ощущал рабство, в котором находился, император, однако, не хотел употребить это средство»^{xxviii}.

«Экстремальным» вариантом данного объяснения является версия Б.С. Абалихина. Он писал, что Наполеон собирался отменить крепостное право в России, «но действительность опрокинула все расчеты Наполеона и его приближенных. Народные массы России встали на борьбу с интервентами, с первых же дней войны развернули непримиримую партизанскую войну». «Народные массы, — уверял он, — сыграли решающую роль в срыве коварного плана Наполеона — создать Вандею в тылу русской армии. Несмотря на все старания, французской агентуре и сепаратистски настроенному польско-литовскому дворянству не удалось поднять массовые восстания... Наполеон был вынужден признать провал своих расчетов на организацию мятежей в тылу русских армий». В доказательство этого тезиса Абалихин привел слова, написанные императором 22 ноября: «Я недоволен конфедерацией, которая ничего не сделала... Если бы конфедерация была бы способна к чему-нибудь, вся страна (Россия. — Б. А.) давно была бы охвачена восстанием»^{xxix}. Не говоря уже о неуместности применения в данном контексте слов «Вандея» и «интервенция», подчеркнем, что мы сталкиваемся здесь с прямой фальсификацией. Дело в том, что под словом «восстание» император здесь однозначно имел в виду всеобщее вооружение («посполитое рушение») в поддержку французов в Литве, которая тогда находилась в тылу вовсе не русской, а наполеоновской армии. Поднимать же крестьянские восстания в коренной России официально, от своего лица Наполеон так и не решился, так что глупо говорить о «всех его стараниях» на этом поприще.

Сам Наполеон неоднократно заявлял, что война, которую он ведет с Россией, «есть война политическая», т. е. не социальная, не революционная. Этого взгляда он придерживался столь же твердо, как Александр своего решения не идти ни на какие переговоры с противником; ради этого последний пошел на «меры необыкновенные» и развязал народную войну. Очень четко писал об этом рассудительный маршал Л. Гувьон Сен-Сир. «Судя по воззваниям обоих императоров, — заметил он, — один из них хотел сделать войну политической, другой же, напротив, предпочел вести войну религиозную и национальную. Наполеон мог ему в этом

воспрепятствовать, если бы привлек на свою сторону массы русского населения!, но он не сделал этого; и в этом случае следует заметить, что он не употреблял против своего противника одинакового с ним оружия, и что он должен был выносить последствия этого. Но после того, как он вступил на трон, он перестал пользоваться оружием демократии; он хотел придать монархическому началу, которое он возвысил, поддержку аристократии, и он стремился всеми средствами ее восстановить. Несомненно, что аристократическое начало... служило бы превосходным средством для сохранения порядка; но по этой самой причине ему и следовало подорвать таковое у столь могущественного противника, от которого ему приходилось всего опасаться.

Возбуждение демократических интересов было самым сильным оружием, с которым он мог напасть на колосс русской империи и к которому политические соображения данного момента ему, может быть, указывали обратиться. Сначала это его прельщало... После его пребывания в Витебске началось восстание крестьян против их господ, но этот проект был тотчас оставлен, и Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их рабов, вернул их в свои усадьбы, откуда они были изгнаны и дал им солдат, чтобы их охранять и защищать. Крестьяне, обманутые в своих ожиданиях, стали с тех пор внимать возваниям Александра. В коренной России (Мокшоуле) они присоединились к его армиям и причинили нам столько вреда, сколько могли бы принести нам пользы, если бы Наполеон помог им освободиться от крепостной зависимости. Впрочем, и в интересах гуманности, хорошо или плохо поступил Наполеон, что не поддержал это восстание? Вопрос этот слишком серьезен для того, чтобы быть легко разрешенным, ибо речь идет о народе, лишенном цивилизации, в течение веков находившемся в тяжелой зависимости и в полнейшем невежестве. Я удовольствуюсь упоминанием этого факта, чтобы указать на то влияние, которое это начало восстания могло иметь на ход войны и подтвердить, что дела зашли уже так далеко, что крестьяне не довольствовались только изгнанием своих господ из их поместий, но нападали на небольшие отряды русских войск и чувствовали себя уже достаточно сильными, чтобы брать пленных... Это событие, хотя и не повлекло за собой никаких последствий, как это могло случиться, явилось признаком, обнаружившим слабую сторону русской империи и, казалось, оправдывавшим страхи ее правительства в отношении либеральных взглядов»^{xxx}.

В своей речи к сенату 20 декабря 1812 г. Наполеон так объяснял свою позицию: «Я мог бы поднять против нее большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки»^{xxx1}. Сегюр считал, что Наполеон потому отверг предложения отменить крепостное право, что «у варварского народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распущенность! Это показали раньше бывшие отдельные возмущения. Русское дворянство погибло бы, как колонисты на Сан-Доминго во время восстания негров. Такое опасение взяло верх в мыслях Наполеона; это выразилось в том, что он решил не стараться поднимать движение, которое не смог бы направить». Сегюр имел в виду «возмущения», произошедшие в Витебской губернии. О них Пасторе писал: «В стране царил самый крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян, убежденных..., что свобода, о которой шла речь, состоит именно в безудержном произволе»^{xxxii}.

Советские авторы обычно соглашались с первой частью упомянутой речи Наполеона, но вторую часть либо переиначивали в выгодном для русского народа свете, либо с негодованием отвергали. Окунь писал: «Первое положение нельзя не признать справедливым, ибо под «политическими» войнами Наполеон подразумевал борьбу правительств... Завершением войны 1812 г. должен был явиться новый «Тильзит», но... в прусском варианте. Иначе говоря, итогом войны должны были быть и значительные территориальные уступки и полная экономическая и политическая зависимость... При таких замыслах посягательство на внутренний социальный строй, господствующий в России, неминуемо повлекло бы за собой невозможность использования ее силы в дальнейшей борьбе с Англией. Более того, чем больше затягивалась война и чем сильнее стремился Наполеон к подписанию мирного трактата, тем опаснее было затрагивать внутренний строй России. Мирный договор император французов мог заключить лишь с российским императором, который имел власть и располагал какой-то силой лишь до того момента, пока в России не вспыхнет крестьянская война». Касательно же второй части речи императора, Троицкий, например, писал: «В России он не ожидал, что "рабы", лишенные у себя на родине всяких прав, поднимутся против него на Отечественную войну. Просчет Наполеона состоял в том, что он, верно определив как "рабскую" степень юридической и материальной придавленности русских крестьян, преувеличил их духовную, нравственную отсталость, посчитав, что они столь же темны, сколь и бесправны»^{xxxiii}.

Однако, все высказывания участников похода однозначно свидетельствуют, что от идеи освобождения крестьян Наполеон оттолкнул именно «беспредел» мужицкого бунта, который обладал лишь бездумной разрушительной силой и был не способен на что-либо конструктивное. Как человек политический, Наполеон понимал, что любая война должна завершиться миром, но с кем бы он стал его заключать, если бы в России воцарился хаос, анархия, безначалие? Он вовсе не собирался становиться вождем крестьянского бунта и увязать на многие годы в российских делах, «имея за плечами» «кровоточащую» Испанию и таких ненадежных союзников, как Австрия и Пруссия. Он, действительно, был уже не

революционным генералом, а монархом. Как любой узурпатор, он всячески старался, перед лицом европейских монархов, подчеркнуть легитимность своей власти, и потому для него было неприемлемо, провозглашением антифеодальных лозунгов в России, лишний раз напоминать о своем революционном происхождении. Потому-то он и хотел вести войну «по правилам». Коленкур писал, что при враждебном отношении народа к французам *«провозглашение освобождения крестьян, которое к тому же не соответствовало личным мнениям императора, не принесло бы пользы делу, так как оно осталось бы безрезультатным и придало бы этой войне революционный характер, отнюдь не подходящий для государя, который с полным основанием хвалился тем, что он восстановил общественный порядок в Европе. Составление этой прокламации (в Москве. — А.П.) было только угрозой, и люди, знавшие императора, с самого начала не обманывались на этот счет. Это было одно из многих средств, которые он пускал в ход, чтобы посмотреть, не даст ли угроза какого-нибудь результата. Он хотел, если возможно, напугать неприятеля. Это была гроза, при которой сверкали молнии, но гром не гремел. Император пробовал все средства, чтобы добиться переговоров, которых он желал, но данное средство не принадлежало к числу тех, которые были свойственны его политике».*

Еще в июле, при появления манифестов царя о созыве ополчения Коленкур записал: *«Эти манифесты не оставляли сомнений в том, что он хочет превратить войну в национальную. Печатные листки за подписью Барклая, подброшенные на наши аванпосты, доказывали, что он не очень щепетильно разбирался в применяемых средствах, так как в этих листках французов и немцев призывали покинуть свои знамена... Император Наполеон был, по-видимому, этим удивлен: -Мой брат Александр не считается больше ни с чем,- сказал он,- я тоже мог бы объявить освобождение его крестьян».* Теперь, в Москве, Наполеон сказал Коленкуру: *«Вы против эмансипации. Однако люди, которые знают русских не хуже вас, думают иначе. Вы против потому, что это не было бы добросовестной войной против вашего друга Александра. Однако поджоги тоже не являются добросовестной войной... Впрочем, я смотрю на эмансипацию так же как и вы. А к тому же неизвестно, куда привела бы подобная мера. До сих пор, если не считать того, что Александр сжигает свои города, чтобы мы не жили в них, мы вели друг против друга довольно добросовестную войну. Никакого опубликования неприятных документов, никаких оскорблений. Напрасно он не вступает с нами в соглашение... Мы скоро договорились бы и остались бы добрыми друзьями».*^{xxxiv}

Теоретически Наполеон мог использовать крестьянские мятежи в коренной России как «козырь» в борьбе с российским феодальным государством, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что этот «козырь» является слишком мощным оружием, способным уничтожить все его надежды на быстрое заключение мира и «впрыжение» России в «колесницу» континентальной блокады. Образно говоря, такой социальный взрыв мог «выплеснуть вместе с водой и ребенка». Как выразилась Н. В. Брюллова-Шаскольская, «издали крестьянские беспорядки казались заманчивы, вблизи же красный призрак делался грозен и страшен». Ни о каком *политическом уровне переговоров* со взбунтовавшимися мужиками речи быть не могло. Самая, пожалуй, главная причина состояла в том, что Наполеон не мог «нажать на педаль» антикрепостнической пропаганды до тех пор, пока сохранялась надежда на заключение мира с Александром. Как заметил Тартаковский, «Наполеон в любой момент был готов вступить в союз с дворянством и царизмом, пойдя они только на уступку в вопросе о мире»^{xxxv}.

Народные массы России действительно предотвратили попытку Наполеона отменить крепостное право, но не потому, что якобы «с первых дней войны боролись с интервентами», а потому, что продемонстрировали ему *страшный, необузданный, жестокий характер русского бунта*, поразивший даже выдавшего виды революционного генерала. Именно в этом состояла «темнота» и «нецивилизованность» русского крестьянства, виною чему было, разумеется, архаичное крепостное право. Отменив последнее, Наполеон не мог в одночасье цивилизовать русского мужика. Не мог этого сделать даже сам Кутузов, в чем он прямо признавался Лористону, а увязать в российских проблемах на многие годы Наполеон, разумеется, не собирался.

В данной проблеме имеется еще один нюанс. Хотя русское дворянство и опасалось возможной антифеодальной пропаганды Наполеона, все же в глубине души оно надеялось на традиционную верность русского мужика престолу и православной церкви. Суханин перед самой войной слышал слова некоего екатерининского вельможи: «Разве вам не известны слухи, что Наполеон намеревается возстановить Польшу и освободить наших крестьян? О, он ошибается, рассчитывая найти русского мужика готовым изменить своему Государю, а бывшие кой-где толки о воле не пойдут на пользу врагов». В ответ на заявление Наполеона, что люди «в теперешнем веке перестали быть набожными», Балашев возразил: «Я не знаю, Ваше Величество, набожных во Франции, но в Испании и в России много еще есть набожных». В июле произошел разговор французского генерала с русским парламентарием В. Левенштерном. Последний писал: «Себастиани хотел убедить меня в том, что в России умы давно уже волнуются. Из этого было видно, как мало ему был знаком дух нашего народа, и как велика была ошибка Наполеона, когда он думал, что русские будут способствовать его видам и намерениям. Предполагая дать русскому народу свободу, он не подумал о том, что народ не имел ясного представления об этом слове. Русские не желают перемен: их преданность императору внушается им религией и тесно связана с их преданностью

старинным обычаям. Поэтому коварные обещания Бонапарта не произвели никакого впечатления на население. Крестьяне не верили в эти братские уверения...И жертвы, принесенные народом, превзошли ожидания правительства. Таково было в ту эпоху настроение умов; как видно, оно совершенно не соответствовало надеждам французов»^{xxxvi}. 1 (13) августа такую же уверенность выражал в письме к Балашову Ростопчин: «Наполеон рассчитывал на слово свободу, но оно не подействует, и если бы народ и желал ея, то ненависть ко врагу отечества удалит его от соучастия в успехе его намерения и в злобе к нему последний холоп наравне с первым барином». В письме к Багратиону от 6 (18) августа он выражал ту же мысль: «Злоба к Бонапарту так велика, что и хитрость его не действует. И эта пружина лопнула, а он, наверное, шел на бунт»; еще через 6 дней он сообщил, имея в виду слухи о свободе: «Главная его пружина, вольность, не действует, и о ней лишь изредка толкуют пьяницы». 23 августа (4 сентября) он сообщал императору: «Крестьяне покидают свои жилища, жители городов также, с приближением неприятеля. Его ненавидят еще более, чем боятся, и он очень ошибся в приеме, каковой думал встретить»^{xxxvii}.

Что можно сказать по этому поводу. Действительно, восприятие французами русского крестьянства было далеко не адекватным реальному положению дел, они не осознавали в полной мере его религиозности и степени преданности престолу. С другой стороны, русские дворяне явно преувеличивали степень верности мужиков своим помещикам и местным властям, что особенно заметно в записках А. Х. Бенкендорфа. «Коварные обещания Бонапарта» не подействовали на население не столько потому, что оно не захотело принять свободу из рук завоевателя, сколько по той причине, что антикрепостническая пропаганда не была развернута в полную силу. И если даже отдельные, «кустарные» попытки ее ведения отдельными представителями Великой армии привели - к резкому обострению классовой борьбы в губерниях, затронутых войной, то нетрудно себе представить, что произошло бы, если бы Наполеон официально, от своего имени провозгласил свободу и всеми силами поддержал бы бунтовщиков. Следовательно, все дело в том, что по политическим соображениям Наполеон отказался от данного шага. Как говорится, noblesse oblige: встав в ряды европейских монархов, «выскачка» Наполеон был вынужден с особой щепетильностью соблюдать «правила игры», принятые в сановном кругу легитимных монархов. Подобно тому, как Наполеон в своих стратегических маневрах был «загнан в угол» отступательной тактикой Барклая-Кутузова, так и в плане «социальной пропаганды» он был скован своими политическими расчетами.

Подведем итоги. Наполеон, его генералы, офицеры и даже солдаты прекрасно знали «ахиллесову пяту» колосса Российской империи. Поначалу казалось, что это важная «козырная карта» в борьбе с Александром. В Витебской губернии был даже «запущен пробный шар», т. е. издана некая прокламация. Но уже этот эксперимент, а затем и последовавшие бунты в самой России наглядно показали «беспредел» и неуправляемость мужицкого бунта. К тому же возможности антикрепостнической агитации стали сужаться по мере развертывания русскими религиозной пропаганды. Как «новоиспеченный» монарх с «весьма сомнительным прошлым», Наполеон понимал, что ему не к лицу разыгрывать роль революционера. Но самая главная причина его отказа официально провозгласить отмену крепостного права в коренной России заключалась в том, что ему нужен был «мир во что бы то ни стало», который он мог заключить только с российским императором, но никак не со взбунтовавшимися крестьянами.

Примечания

ⁱ Тартаковский А. Г. Из истории одной забытой полемики (Об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812г.)// История СССР. 1968. № 2. С. 26.

ⁱⁱ Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 222; Тартаковский. Указ. соч. С. 26, 37—38.

ⁱⁱⁱ Gouvion Saint-Syr L. *Memoires pour servir a l'histoire militaire...* Paris, 1851. Т. 3. Р. 20-21; Fezenzac R. *Souvenirs militaires.* Paris, 1870. Р. 237-238.

^{iv} Ермолов писал, что в белорусских губерниях «чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены» (Записки А. П. Ермолова. М., 1991. С. 147). А. Х. Бенкендорф также отмечал «ужасное и бедственное рабство», под гнетом которого белорусские крестьяне «находились благодаря алчности и разврату дворян», «своих мелких тиранов» (Материалы ВУА. СПб., 1903. Т. 2. С. 78-79).

^v Бумаги П. И. Шукина. М., 1900. С. 216-217; РА. 1900. № 12. С. 491, 496; Fezenzac R. . Op. cit. Р. 237-238; Silyk R. *Napoleon en 1812.* Paris, 1836. Р. 92-94; Kukiel M. *Wojna 1812 roku.* Krakow, 1937. Т. II. С. 11-12.

^{vi} Du Casse A. *Memoires et correspondance... du prince Eugene.* Т. VIII. Paris, 1859. Р. 444; *Correspondance de Napoleon.* 19044.

^{vii} Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 222.

^{viii} Fabry G. *1812. Campagne de Russie.* Paris, 1903. Т. III. Р. 205-206, 431, 432—433. 10 августа Богарне

сообщили, что крестьяне с радостью бы приветствовали приход французов, но этого нельзя сказать о помещиках (*Fabry G. Op. cit. P. 436*).

^{ix} РА. 1908. №4. С. 483; Французы в России. М., 1912. Т. 1. С. 81; *De Baudus. Etudes sur Napoleon. Paris, 1841. Т. I. P. 413*. Кукель справедливо подверг сомнению рассказ, будто в Витебске к Наполеону явились посланцы какой-то русской революционно-демократической группы, предлагавшие ему сдать Москву и Тулу, если он объявит вольность народа, свободу науки и созыв нотаблей в Москве, либо в Туле (*Waliszewski. La Russie il y a cent ans: La regne d'Alexandre I. Paris. 1923. Т. II. P. 53-54*).

^x ВУА. XIV. 282-283; XVI. 36; XVII. 165, 310; XVIII. 60, 98, 130-131, 167-168; XIX. 319, 321; *Fabry G. Op. cit. P. 434-435, Т. IV. С. 382*; Полоцко - Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916. С. 294-295.

^{xi} *Ахлестышев Д. П. Двенадцатый год... СПб., 1912. С. 223, 225*.

^{xii} *Fezenzac R. Op. cit. P. 238*. О бунтах крестьян в Белоруссии писал и маршал Л. Сен-Сир; Тарле же заявлял, что маршал имел в виду Литву, а о том, что крестьяне действовали в пользу неприятеля, академик и вовсе умолчал (*Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 176*).

^{xiii} *Souvenirs de guerre du general baron Pouget. Paris, 1895. P. 207*.

^{xiv} *Fabry G. Op. cit. P. 282; Kukiel M. Op. cit. P. 18 – 19*.

^{xv} Каверин писал 22 ноября царю: «Внушение неприятеля в занятых им местах... повсеместно между поселянами разсеиваемое, уверенность в непринадлежности более России и в неприкосновенности к ним власти помещиков могло поколебать их умы, от чего некоторые в Смоленской губернии способствовали неприятелю в отыскании фуража и сокрытых имуществ, а другие, сообщаясь с ним, попускались даже на грабительство господских домов» (РА. 1871. № 10. Стб. 1620-1621).

^{xvi} *Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг. Свердловск, 1961. С. 61-62; Материалы ВУА. Т. XVI. СПб., 1911. С. 36, 258, 260; Ахлестышев Д. П. Указ. соч. С. 223, 225; Ассонов В. И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. С. 148, 152; Савин Н. И. Волнения крепостных... Дорогобуж, 1926. С. 25*.

^{xvii} Крестьянское движение в России. Сб. док. М., 1961. С. 18, 856-861; *Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 60-61; Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 217*.

^{xviii} *Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 61, 63; Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 27*.

^{xix} РА. 1908. № 4. С. 483; Французы в России. I. 81; *Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 188; Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Т. II. Paris, 1838. P. 287-288; Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 223*. Заметим в этой связи, что Тарле был не прав, заявляя, что Наполеон «ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи» (*Тарле Е. Указ. соч. С. 175*).

^{xx} РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3586. Л. 27-28; ОР РНБ. Ф. 859. Оп. 6. № 10. Л. 51-52 об. Русский вариант этого текста опубликован в кн.: *Анухтин В. Р. Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. М., 1912. С. 47*. Тарле же в 1938 г. заявлял, что «этот документ никогда не был издан и даже не был использован» (*Тарле Е. Указ. соч. С. 177*), но сам почему-то не стал ни цитировать, ни анализировать его.

^{xxi} *Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 29*.

^{xxii} Там же. С. 37-38.

^{xxiii} РС. 1900. № 7. С. 126; РА. 1908. № 4. С. 483-484; Французы в России. I. 81; *Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 224*.

^{xxiv} *Окунь С. Б. Русский народ и отечественная война 1812 г. // История СССР. 1962. № 4. С. 59-60; Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 38; Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 220-221*.

^{xxv} Подчеркнем, что на самом-то деле это казуистическое «переплетение задач» оборачивалось их прямым антагонизмом, ибо, выступая против собственного дворянства, возглавлявшего «национально-освободительную борьбу», крестьяне объективно становились пособниками «интервентов». Впрочем, у марксистов была своя, «диалектическая» логика.

^{xxvi} *Окунь С. Б. Указ. соч. С. 60; Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 38*;

^{xxvii} *Correspondance... 19389; РА. 1876. Кн. 3. С. 379; Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. V. С. 78; Французы в России. С. 81, 83; Коленкур А. Указ. соч. С. 188*.

^{xxviii} *Chlapowski D. Aus der Umgebung Bonapartes... Berlin, 1910. S. 192*.

^{xxix} *Абалихин Б. С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград. 1967. С. 132-133; Он же. Героическая эпопея народного подвига. М., 1987. С. 35-36; Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 80*.

^{xxx} *Gouvion Saint – Cyr L. Op. cit. P. 19-21; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. №313. Л. 20-22*.

^{xxxi} Де Бодю пересказал эту речь так: Наполеон заявил, что «он мог бы использовать революционную армию в этой стране, но что он не захотел этого сделать по причине ужасных несчастий, которые стали бы результатом этого при населении столь варварском (une population aussi barbare)» (*De Baudus. Op. Cit. P. 414*).

-
- ^{xxxii} 27 июля генерал Ж. Д. Компан писал своей супруге из Могилева об ужасной забитости и невежестве белорусских крестьян, которые «только и ищут случая, чтобы разграбить поместья. Эти жалкие крепостные во сто раз более грязны, чем свиньи во Франции, но грабят они великолепно» (*Тегнаих-Сотрапз Н. Бе шэпёга! Сотрапз. Рат, 1912. Р. 160-161*).
- ^{xxxiii} *Окунь С. Б.* Указ, соч. С. 60; *Троицкий Н. А.* Указ, соч. С. 221.
- ^{xxxiv} *Коленкур А.* Указ, соч. С. 87, 188-189.
- ^{xxxv} Брюллова - Шаскольская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931. С. 63; *Тартаковский А.Г.* Указ, соч. С. 43.
- ^{xxxvi} РС. 1912. № 2. С. 275; *Комаровский Е.Ф.* Записки // Русские мемуары. М., 1989. С. 178; Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1900. № 11. С. 347.
- ^{xxxvii} *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 76; 1812-1814. М., 1992. С. 179, 181; Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // РА. 1892. № 8. С. 526.